

Литрес ≡ Классика

Николай Лейкин

НА ЛОНЕ
ПРИРОДЫ

Николай Лейкин
На лоне природы

«ЛитРес»

1893

Лейкин Н. А.

На лоне природы / Н. А. Лейкин — «ЛитРес», 1893

Супруги из Петербурга приезжают в деревню, чтобы подобрать на лето недорогую дачу – съёмный домик неподалёку от города и поближе к природе, но это оказывается очень непростым делом.

© Лейкин Н. А., 1893

© ЛитРес, 1893

Содержание

I	6
II	9
III	11
IV	13
V	15
VI	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Николай Лейкин
На лоне природы

ЛитРес
библиотека

© «Литрес», 2026

I

– Далеко, однако... ехали, ехали... – говорила дама, выходя на станции из поезда на платформу. – Что за далеко! Пятьдесят с небольшим верст, – отвечал ее муж. – Зато уж тут будет настоящая дача. Это не то, что в пригородных местах, где-нибудь в Лесном, в Гражданке или даже в Шувалове. Какая там дача! Человек на человеке сидит. Ни воздуха настоящего... ничего... В Шувалове воздух-то еще хуже, чем в Петербурге в Казанской или Пушкинской улице, особливо в середине лета. А тут уж прямо лоно природы. – Так-то оно так, однако ты рассчитай проезд. Ведь и проезд дороже... – Проезд дороже, но зато помещение и жизнь дешевле... Тут ведь дач в том смысле, как ты привыкла понимать, нет. Живут в деревне, нанимают у крестьян избы. Иван Васильевич в прошлом году платил за избу из трех комнат что-то сорок рублей с дровами. При этом садик. – Да неужели? – удивилась жена. – Из-за этого-то я тебя и привез посмотреть помещение в здешних местах. Где ты найдешь какую-нибудь дачу в Лесном или Гражданке за сорок рублей, не говоря уже о Шувалове! Да и вообще здесь жизнь дешевле. Здесь нет ни разносчиков-торговцев, ни этих самых акул-мужиков шуваловских и парголовских, старающихся содрать за бутылку поддельного молока пятиалтынный.

Они сошли с платформы. У платформы сидели в полуразвалившихся тележках два мужика. Худые, заморенные лошаденки потряхивали бубенчиками.

– Не подвезти ли, ваша милость? – слышалось предложение. – В Капустино. – В Капустино? Да что с вас взять-то? Рублик положите. – Что ты, что ты! Да ведь Капустино от станции всего три версты. – Мы, ваше благородие, считаем четыре. – Мало ли что вы считаете. Да хоть бы и четыре! Разве можно за четыре версты... – За восемь гривен садитесь! – крикнул краснорожий мужик. – Чего ты леший, цену-то сбиваешь! Анафема! Барин и рубль бы дал... – обругал его мужик с подбитым глазом. – Тридцать копеек, – посулил барин. – Шагай пешком. – Грубиян!

Муж и жена тронулись в путь. Грязь была непролазная. Приходилось проходить по узенькой протоптанной тропинке. Ноги скользили. Сделав шагов тридцать, муж обернулся и крикнул:

– Сорок копеек дам! – Да ведь оттуда порожнем придется ехать. – Зачем порожнем? Мы обратно поедем. – А долго там пробудете? – Да дачу нам посмотреть. К обратному поезду нас и привезешь. – Так ведь это на четыре часа. Ну, полтора рубля положите. – Тьфу ты пропасть! Рубль... – Не бери, Силантий, дешевле полутора рублей. Барин даст. Я цены сбивать не стану, ежели мне двугривенничек пожертвуешь, – сказал мужику с подбитым глазом краснорожий мужик. – Ну, рубль с четвертью. – Дешевле не поеду, – отвечал мужик с подбитым глазом и отвернулся.

Муж и жена стали шептаться.

– Надо дать, – сказала жена. – Тут просто утонешь в грязи. У меня хорошие польские сапоги в семь рублей. Что за радость их испортить! – Ну, давай, черт тебя дери! – раздраженно крикнул муж. – Пожалуйста сюда обратно. Мне нужно с товарищем рассчитаться, а денег у меня нет. – Зачем же мы к тебе по грязи обратно пойдем? Подъезжай сюда сам. – Понимаете, ваша милость, мне нужно ему двугривенный отдать, а ежели я к вам поеду, он может подумать, что я и совсем уеду, – пояснял мужик с подбитым глазом. – Ну, да ладно. Поедем вместе. Действительно, барыне шагать грязно. Барин добрый, авось, за это мне пяточок на стаканчик пожертвует, – прибавил краснорожий мужик и, стегнув лошадь, поехал вместе с товарищем.

Муж и жена стали садиться в тележку к мужику с подбитым глазом.

– Двугривенничек вы прежде вон товарищу позвольте, – сказал тот. – Это уж за меня. А мне потом двугривенного не додадите.

Муж дал. Краснорожий мужик подбросил двугривенный на руке.

– Четвергачек, барин, четвергачек. Еще пяточок к этому прибавьте, – проговорил он. – Это уж от себя. – За что? С какой стати? – Помилуйте, да за что женибудь я к вашей милости подъезжал. Вы мне пяточок на шкалик дадите, а мы за вас Богу помолимся. – Ничего я тебе больше не дам, – отрезал муж и стал подсаживать в тележку жену.

Краснорожий мужик заругался:

– Эк, сквалыжник! А еще барин. Нет, видно, не барин, а шушера из каких-нибудь бродяг. Да и в барыни-то себе такую же подобрал. – Молчи, мерзавец! – крикнул муж. – О, так сейчас и испугался! Так сейчас и замолчал! Много тут такой шантропы шляется. Шляпу надел, да и думает, что он и барин. – Вася! Да кликни ты городского. Ведь должен же быть тут где-нибудь на станции городской! – Какой же, милая, в деревне городской! Нет, уж надо так оставить, пренебречь, – пробормотал муж, влезая в тележку, и крикнул мужику с подбитым глазом: – Пошел скорей!

Возница стегнул лошадь и поехал. Краснорожий мужик не унимался. Он тоже ехал сзади и продолжал ругаться.

– Не барыня, а дрянь – вот какой номер! – кричал он. – Думает, что шляпку треухом на голову надела, так уж и барыня. Держи карман! Барыня, да не с того конца. Ах, ироды! Пятачка мужику жалеете! Прислуга из горничного сословия, да и та подчас не жалеет. – Послушай,

что же это такое! – возмутился муж. – Я сейчас поеду за урядником, ежели он не прикончит ругаться, – обратился он к мужику с подбитым глазом. – И ты будешь свидетелем безобразия. Где у вас урядник?

Мужик с подбитым глазом стал уговаривать товарища:

– Уймись, Михей. Ну, что тебе?.. Ведь уж двугривенный с меня получил. – Ах, черти, черти паршивые! – опять крикнул краснорожий мужик. – Это, наконец, из рук вон! Так оставить нельзя. Вези к уряднику!.. – заорал во все горло муж. – Урядник, ваша милость, в восьми верстах. Плюньте... Он отстанет, – уговаривал седока мужик с подбитым глазом.

Краснорожий мужик ввернул в заключение еще ругательное словечко и, удержав свою лошадь, стал ее поворачивать назад.

– Ну, разбойники здесь у вас! Да ведь вы просто разбойники! – произнес муж, багровея от злобы. – Не разбойники, сударь, а просто он пьян. Пьян со вчерашнего. Вчера у них в деревне кабак новому арендателю сдавали, так кабатчик поил даровым вином, – отвечал мужик с подбитым глазом.

Лошаденка, шлепая по грязи, тащила тележку.

II

Проехали с полверсты и въехали в маленькую деревушку в пять-шесть дворов. Дорога сделалась еще грязнее. Колеса тележки вязли в грязи по ступицу. В грязи валялись жерди, ветви ельника, набросанные для укрепления дороги, но еще больше делавшие ее убийственною. Седоки – муж и жена подпрыгивали в тележке, качались из стороны в сторону.

– Держись крепче, а то вылетишь, – сказал муж жене. – Да и то держусь, но боюсь, прикушу язык при тряске, – отвечала та. – Стисни зубы – вот и не прикусишь. Послушай, земляк, тут всегда такая дорога? – обратился муж к везшему их мужику. – Не... Только по весне, да разве в сильные дожди. А летом, как подсохнет, так что твое шоссе... Тут глина. Пока она размокши – ну, и того... а подсохнет, так что твой камень. – Ежели и летом здесь такая дорога, то Бог с ней и с дачей в здешней местности, – проговорила жена, то держась руками за борт тележки, то поправляя съехавшую на затылок шляпку от тряски. – Не... Будьте без сомнения насчет лета. Ухабы – это точно, ухабы есть, а только сухо, чудесно, – успокаивал мужик.

Хотя деревушка была всего из пяти-шести дворов, но у крайней избы, выстроенной несколько отдельно от других изб, над воротами было какое-то подобие полинявшей вывески и стоял большой шест, а на нем была вздета бутылка.

– Ваше благородие, вот здесь выпить можно. Прикажете остановиться? – сказал мужик. – Нет, нет... С какой стати выпивать! – отвечал муж. – Тут и пиво хорошее есть. Ваша барынька тоже с нами бы выпила. – Ничего не надо. Ни водки, ни пива не надо. – Да вы сами-то не пейте, а мне поднесите. – И тебе не надо. От тебя и так, как из кабака разит. – Как же это возможно, чтоб извозчику-то не надо! Это уж такое положение. – Поезжай, поезжай. А то выпьешь, да еще вывалишь нас. – Помилуйте, сударь, с какой стати вываливать? Мы веселее поедem. Так остановиться? – Тебе сказано, что не надо. – Экий вы, барин, строгий какой! Вот мы охотников когда возим, тогда те не такие. У тех уж заведено: где выпить можно – стой! – То охотники, а мы едем дачу нанимать. – Да ведь извозчику-то все единственно. У извозчика что с охотником – все равно нутро свербит. А я, ваша милость, со вчерашнего похмелья. Дозвольте вернуться и выпить за ваше здоровье для первого знакомства. Ведь летом-то с нами будете же ездить, ежели дачу снимете, так надо же нас подсобить. И извозчик человек нужный.

Муж молчал. Жена пожала плечами и пробормотала:

– Это ужас, какие пьяницы! – Дозвольте вернуться и выпить на пяточок за ваше здоровье, ваше благородие, – продолжал приставать мужик. – Тебе сказано, что не надо здесь останавливаться, – ну, и пошел! – раздраженно крикнул муж. – Да ведь ближе как в Капустине выпить будет негде – вот я к чему. К тому же и водка здесь настоящая, а в Капустине какая водка!.. Вода... – Нам и в Капустине не надо. – Гм... Как же это так... Так какой же вы седок? Зачем же я вас повез, коли вы и в Капустине не поднесете? Мы седоков любим ласковых. С ласковыми седоками мы и сами ласковы. – Не разговаривай, не разговаривай! – Да что «не разговаривай», – недовольным тоном произнес мужик. – Знал бы я, что вы такой неуважительный человек, то и не повез бы вас за полтора рубля. Помилуйте... По такой дороге, да за полтора рубля без уважения! Мы по хорошей дороге за полтора-то рубля возим, летом возим.

Мужик совсем опустил вожжи. Лошаденка пошла шагом.

– Ты поедешь настоящим манером, или не поедешь? – крикнул на него седок. – Ведь этак будем ехать, так ни дачи посмотреть, ни к обратному поезду не успеть. – Да не охота ехать... – еще с большим недовольным тоном пробормотал мужик. – Из-за чего тут стараться! Ну вас совсем. – Послушай! Ты не шути со мной, а то ведь я...

Седок сжал кулаки.

– А вот захочу и буду шутить... Что ты со мной сделаешь? Не поеду меньше как за два рубля в Капустину и обратно, – ну, и шабаш. Не хочешь дать двух рублей – слезай среди грязи

и при пешком. – Вот свинья-то! – Ну, да, свинья. С ласковыми господами мы сами ласковы, а которые ежели сквалыжники, то что нам их жалеть! – Ты даже взял в задаток двугривенный, а потому обязан везти за полтора рубля, – горячился седок. – О! Где это писано? Где такой закон? Двугривенный я взял, так на двугривенный и довез. Не повезу вот дальше. Выходите из тележки.

Положение было критическое. Грязь была непролазная. По такой грязи можно было только в охотничьих болотных сапогах ходить. Вернуться в оставленную сзади деревню – тоже нужно было идти с четверть версты. Мужик бросил вожжи и лошадь остановилась на дороге среди пустыря. Муж и жена заговорили по-французски.

– Дай ты ему гривенник, пусть вернется и выпьет. Черт с ним! – сказала жена. – Но, друг мой, ведь это же значит отдаться в руки мужику, – отвечал муж. – Что же делать! Не могу же я идти по такой грязи. – Да и я не могу. У меня сапоги худые. – Стало быть, надо дать.

Мужик догадался, что разговаривают об нем, и настаивал:

– Ну, что ж... Сходите с тележки. За полтора рубля я в Капустино не повезу. – Экий коварный Мужиченко! Экая утроба! И все это ты из-за какого-то стакана водки. Ну, провались ты совсем, вернись обратно и выпей в проклятом питейном. Вот тебе гривенник, – произнес седок. – Нет, ваша милость, не надо мне вашей водки, а меньше двух рублей в Капустино я не поеду. И чтоб рубль сейчас... – сказал мужик. – Да ведь ты разбойничать хочешь. – Не разбойничать, а с ласковыми господами я сам ласков, а которые ежели сквалыжники да еще ругаются... Не желаете за два рубля – слезайте с тележки. Зачем мне убыток терпеть? Дождался бы у станции следующего поезда, в лучшем бы виде охотников повез, да и повез-то бы в свою сторону, без обратного. Мы эво вон где живем, совсем в другой стороне. Желаете два рубля?..

Опять седоки разговаривают по-французски. Жена чуть не плачет. Муж весь побагровел.

– Положение безвыходное. Надо дать два рубля, – говорит жена. – Ну, ладно... Я тебе дам два рубля... Поезжай... – бормочет, стиснув зубы, муж. – А только... хорошо, хорошо... Поезжай... – Пожалуйте рубль вперед. – Но ведь это же... – Рубль вперед. Двугривенный я получил, – стало быть, еще восемь гривен.

Седок лезет в кошелек. Мелочи у него только шесть гривен и он отдает их мужику. Мужик кое-как соглашается взять и стегает лошадь.

– Смотрите только, барин... за два рубля, – говорит он.

Лошадь тащится.

III

Всю дорогу седоки молчали. Возница-мужик пробовал заговаривать уже в пониженном тоне, но ему не отвечали.

– Нам дачников-то, ежели так рассуждать, то нет расчета и возить. Ну, какое от дачника извозчику удовольствие! Вот господа охотники – те ласковые, те особь статья. Иной раз веселая компания едет, так и из своих собственных фляжек-то тебе поднесут, да и около каждого питейного места останавливаются: стой, да стой! – бормотал возница.

Наконец показалось Капустино, небольшое село с опрятными домиками, раскинутыми на берегу реки. Виднелась небольшая белая церковь с зелеными куполами.

– Ежели вам дачку, то у кузнеца Лифанова, кажись, здесь дом сдается. Туда и повезу вас. Снимете у него дачку, так, авось, и нам от него стаканчик, другой очистится, – продолжал возница. – Не надо. Никуда нам не надо. Вот здесь на краю деревни и остановись. Мы пешком пойдем, – ответил наконец седок и стал слезать с тележки.

Высадив жену, он обратился к мужику и сказал:

– Ну, а теперь можешь отправляться на все четыре стороны. За полтора рубля я тебя сюда и обратно порядил, восемь гривен за один конец ты с меня получил, а обратно я с тобой не поеду. – Как же это так? Да нешто это можно? – разинул рот мужик. – Очень можно. Ты разбойник, а с разбойником я обратно ехать боюсь. – Да ведь вы обратно рядились. – Мало ли что рядился. Я рядился за полтора рубля, ты меня повез и стал на половине дороги ссаживать в грязь, требуя вместо полутора рубля два рубля. Кто мне поручится, что на обратном пути ты не сделаешь того же самого и не потребуешь уж трех рублей!

Седок взял под руку жену и зашагал к деревенским избам. От тележки послышались страшные ругательства. Седок не отвечал и продолжал путь. Мужик не унимался, он ехал сзади и продолжал ругаться. Седок обернулся и произнес:

– Ежели ты не замолчишь, я сейчас пойду к старосте, пяти рублей ему на подмазку не пожалею и все-таки добьюсь, чтоб он тебя скрутил, как разбойника. Так ты и знай: пяти рублей не пожалею.

Угроза подействовала. Мужик перестал ругаться и только, сжав зубы, пробормотал:

– Ну, ладно. Жить здесь будете на даче, так мы еще припомним.

На деревне играли ребятишки, виднелись две бабы, идущие с реки с ведрами на коромыслах. Бабы, заметив посторонних лиц, тотчас же к ним обратились:

– Господа, вам не дачку ли? У нас домик отличный сдается. – Садик есть? – спросила дама. – Господи Иисусе! Да какие же сады в деревне? У нас господа дачники в лес гулять ходят, на реку. Ведь в деревне везде сад. Вон у нас три липки перед окнами. Ну, на огород выйдете... Прошлым летом у нас жил барин из петербургской страховки, так даже палатку ставил на огороде. – Мне бы хотелось с садиком. – Ни у кого здесь садов нет. Помилуйте, какие сады! Вон у попа есть сад и цветы у него, так то поп. Нешто у него достатки-то с наши? Вы пожалуйста, посмотрите. У нас комнатки пригляденькие, чистенькие и дом казистенький, мы только что в третьем году после пожара построились, – приглашала одна из баб.

Мужчина и дама отправились. Баба ввела их на топкий грязный двор.

– Фу, как грязно! Утонуть в грязи можно, – сказала дама. – Это не грязь, это навоз-с, это крестьянское хозяйство, – отвечала баба. – Да вы не сумлевайтесь, двор мы очистим, – прибавила она. – Весь навоз на огород пойдет. У нас огородик с ягодами, три яблони есть, четыре вишенки стоят. Пожалуйста на крылечко. У нас давно бы дом-то был сдан, да все прошлогодного съемщика ждали, а он и поднадул. «Пользуйтесь, говорит, моим задатком в пять рублей, а я не поеду».

Съемщики вошли в избу и на них пахло запахом печеного хлеба и тулупа. Были две комнаты, оклеенные разношерстными обоями, которые отстали от стен и висели клочьями. В некоторых местах, впрочем, эти клочья были придерживаемы прибитыми к стене картинками, вырезанными из иллюстрированных журналов. Тут же висела очень плохая картина, писанная масляными красками и изображающая Петра Великого на Ладожском озере, но до того засиженная мухами и тараканами, что волны, бывшие, очевидно, когда-то синими, превратились в коричневые. Первая комната была поменьше второй и с закопченной русской печью, которая и отнимала добрую половину комнаты. Тут стоял кухонный стол, трехногие стулья, зеленая решетчатая скамейка и диван с продраным сиденьем, из которого виднелась мочала. Во второй комнате на первом плане высилась громадная двухспальная кровать под красным кумачовым пологом, стоял комод и на нем шкафчик с стеклянными дверцами, сквозь которые виднелись чайные чашки, четыре серебряные ложечки, поставленные в хрустальный стакан, расписной поддонник от дорогой фарфоровой миски и несколько фарфоровых и сахарных яиц, поставленных в стаканы. На двух окнах были даже кисейные запыленные занавески и висели две клетки с чижами. В углу помещался образ в фольговой ризе с хрустальной лампадкой, с венчальными свечами, с пучками вербы за киотой. Три-четыре стула и клеенчатый диван с валиками и окончательно провалившимся сиденьем довершали убранство комнаты.

– Да вы тут еще сами живете, – сказала дама. – Живем, барыня, а перед тем как господам въехать, переберемся на зады. Там у нас на задах тоже избушечка есть, – отвечала баба. – Грязно. И грязно, и стены ободраны. – Да ведь у нас ребятишки. Нешто с ребятишками чистоты напасешься? А вы вот прикажете, так мы все вымоем и вычистим. – Надо обоями новыми оклеить. Ведь так невозможно жить. – Обои новые. В третьем году оклеивали, а только они отодравшись. Ну, да муж газетами подклеит. – А только всего и есть помещения? – Клетушечка еще есть в мезонинчике. Там юнкаръ жил... Сын, вот, прошлогоднего-то жильца, да такой баловник, что не приведи Бог. Всю конопатку у нас из стены на пыжи для ружья повытаскал. – Надо посмотреть и клетушечку, – сказала дама. – Да не влезете, барыня. Ведь у нас по приставной лестнице. Мы-то влезаем. – Так, стало быть, это не комната. – Клетушечка. Гости, вот, когда к прошлогоднему жильцу наезжали, так их туда ночевать отсылали. Там и стлались они на сене. Для спаленки чудесно. Даже лучше и не надо. – Но как же влезать-то? – Попробуйте по приставной лестнице. Влезали и дамы, которые не очень грузные. Пожалуйте... Влезать в нее надо из сеней.

Съемщики вышли в сени. Вверху над головами была дверь, под ней стояла приставная лестница, наскоро сколоченная из брусьев.

– Нет, мне не влезть, – отвечала дама. – То-то, я думаю, что где же вам... Третий год муж все собирается смастерить настоящую лестницу, да вот все день за день. Вы, барыня, не беспокойтесь. Муж смастерит вам лестницу. Доски есть. Досок мы ноне из реки натаскали. Плыло тут много при ледоходе. – Ну, а что же стоит это помещение?

Баба задумалась.

IV

– Сколько же вы хотите взять за это помещение? – повторила дама. – Да без мужа-то я не знаю, как и сказать. Боюсь ошибиться, – отвечала баба. – Пятьдесят рублей не дадите? – Что ты! Что ты! Тут у вас в деревне наши знакомые жили, так платили тридцать пять рублей за четыре комнаты, а здесь всего две. – А клетушечка-то? – Да клетушечка разве комната? Туда даже никакой мебели не внесешь. – Как не внесешь! Что вы, помилуйте. Вот из страховки-то в прошлом году барин жил, так в лучшем виде туда диван на веревках подняли. Тоже и столик у них там был и два стула. Да вы, барыня, не сумлевайтесь, муж лестницу приладит. – За четыре комнаты в вашей деревне люди тридцать пять рублей платили, а ты вдруг... – Да ведь можно сделать и четыре. Мы с мужем и то давно собираемся разгородить вон эту комнату, чтобы кухня была отдельно. Вы погодите, я за мужем сбегая. Может быть, он посулится разгородить. – Где же твой муж? – Да уж известно, где наши мужья. В одном месте. Сейчас я за ним парнишку пошлю. – В питейном заведении муж-то твой, что ли? – спросил съемщик. – Ох, там, пропади оно пропадом!.. Третий день путается... – вздохнула баба и, выглянув в дверь на двор, закричала: – Ванюшка! Сбегай за тяткой в трактир и позови сюда. Скажи, что, мол, дачники избу снимать приехали! Наказание Господне у нас, сударь, с этим трактиром, – обратилась она к съемщику: – Прежде, когда его не было – мужики наши люди, как люди, были, а теперь только животы пропивают.

Съемщик обратился к жене и сказал по-французски:

– Не нарваться бы на пьяную семью. Тогда что хорошего? – Вот и я то же думаю, – отвечала дама тоже по-французски и спросила бабу: – Сильно пьет твой муж-то?

Баба покрутила головой и отвечала:

– О! И не приведи Бог! Сдали тут у него младшего брата в солдаты, так как начал с октября вместе с братом, да, кажись, без передышки. Кабы не я, дом бы, кажись, разорил. Одна я шаром и катаюсь. Ведь трое ребятишек у нас. – И дерется? – Ну, этого нельзя сказать. Он во хмелю смирный, а только ругатель. Допущу ли я его над собой тиранствовать, коли я работница! Сама я его подчас учу, а только что толку-то! Не стоит рук об него обивать.

Съемщик улыбнулся и пробормотал жене по-французски:

– Она его, оказывается, бьет, а не он ее. – Одно другого лучше. Значит, все-таки драка... – дала та ответ. – Посмотрим ее мужа, какой он такой...

– У нас, сударыня, летом так отлично, что просто прелесть. Что у нас грибов в лесу! – сказала баба. – Графский лес тут у нас. Нас-то, мужиков, в лес не пускают, а вы ежели сторожу лесному пожертвуете на четверть, то и ходите сколько хотите. – Ах, все-таки даром-то не пускают, – сделала гримасу съемщица. – Даром, сударыня, нынче ничего не поделаешь. Графский лес не велик и лесник на таком положении, что он сам грибы собирает, семья у него, – ну, а на четверть ему дадите, так сколько хотите. Вот тоже господа рыбу в реке ловят. – Рыбу-то уж даром дозволяется ловить? – Как вам сказать... Мы-то не запрещаем, рыбы много, рыба божья, по нашему, лови сколько хочешь; ну, а староста привязывается. Да и староста... Дать ему с мужиками на четверть, так хоть невода закидывай – он слова не скажет. – Даже и за ужение рыбы берется? – Да не берется, а уж так выходит, что он завсегда захочет доход свой иметь.

На дворе послышались шаги. Кто-то шлепал ногами по грязи. Вскоре показался пьяный Мужиченко в стоптанных грязных сапогах, в рваном пиджаке и в засаленном картузе набекрень.

– Желаем здравствовать, ваше... – проговорил он пьяным голосом, запнулся на слове и прибавил: – ваше блаженство. Дачку, ваше блаженство, желаете снять? Вот наше удовольствие... Три комнатки тут. Ты, шкура, все показала? – Ну, ну, ну... При господах не ругаться! – строго ответила баба. – Для господ всегда во фронт, – отвечал Мужиченко, сдернул с головы

картуз и покачнулся. – Господ мы в лучшем виде уважаем, а тебя, язву полоротую... – Довольно, довольно. Вот господа требуют, чтоб лестница к каморке была настоящая пристроена, да чтобы вон та комната разгорожена. – Мы ничего не требуем, мы только хотим знать: за сколько вы отдаете? – Дозвольте опрос сделать: вам с дровами? – Куда тебе, лешему, с дровами? Наложил ли ты дров прежде? Ведь ты всю весну пропьянствовал, – оборвала его баба. – Заткни пасть-то, ведьма дьявольская, заткни! Дров-то ведь еще много по речке поплывет, наловим. – У, черт паршивый! Налил глаза-то! Только при господах-то не хочется... А то вот возьму ухват, да как начну возить... – Ну, ну, ну... – Послушайте, вы уж не ругайтесь. – Да как ее, шкуру барабанную, не ругать-то, ваше степенство, коли она... Дозвольте опрос сделать: вы не полковник? – Нет, нет. Ведь видишь, что я штатский. Ты мне скажи только, что стоит это помещение. – Ничего не обозначает, ваше благородие. И штатские полковники есть. Да вот я, как егерь, двух собак полковничьих кормлю, так тот штатский полковник. Ты сколько за избу выпросила-то? – обратился Мужиченко к жене. – Да я что! Я пятьдесят рублей спросила. – Ну, что ж, мужик супротив бабы спустит пятерку. Ну, сорок пять. Я вижу, господа хорошие, будут и на стаканчики хозяину давать, и на пивко от них очистится. Только уж сорок пять, господин, без дров. – Нет, этой цены дать нельзя, – сказал съемщик. – Да и помещение мне не нравится, – прибавила дама, направляясь на двор. – Сударыня-барыня! Зачем вы в контру? – крикнул ей вслед Мужиченко: – А вы свою цену скажите. Дорого, так мы еще пятерку спустим. – Совсем не нравится. Да и не люблю я с пьяными разговаривать. – Пьяный проспится, дурак – никогда. Вот как я рассуждаю. Желаете за сорок без дров? Вы то расчтите, что у нас огород и пять грядок клубники. Ежели бабе перепадет от вашей милости, то...

Съемщики не отвечали и уходили со двора.

– У! пьяный дьявол! Через тебя, пропойцу, господа уходят! – выбранила баба мужика. – Молчи, кикимора полосатая! Не умеешь дачу показывать. Кабы я был, я бы в лучшем виде... – Сиди больше в кабаке, сиди, так и никому дома не сдашь. – Молчать, купоросная душа! Вофрунт! – А вот я тебе сейчас покажу фрунт.

Мужиченко выскочил на двор. Вслед за ним вылетело полено.

– Вишь, подлая! – пробормотал мужик и крикнул удаляющимся съемщикам: – Господа! А что ж на чаек-то хозяину?

V

Съемщики выходили со двора на улицу.

– Вот ты искал здесь какого-то добродушия и патриархальности крестьян, радовался, что освободишься от пьяных нахалов парголовских и шуваловских мужиков, – сказала дама мужу. – И здешние мужики те же пьяницы, те же нахалы. Каков мужик-то, у которого мы сейчас дом смотрели! Совсем пропойца. А извозчик, который нас вез? Ведь это какой-то разбойник. Взялся везти за полтора рубля и вдруг в глухом месте, на половине дороги требует два рубля, а то, говорит, сходите с тележки среди грязи долой. – Да уж Яков Иванович мне очень расхваливал здешние места. Говорит: отлично, настоящее лоно природы – купанье на открытом воздухе и иди на реку хоть в одном нижнем белье. Живут, говорит, во всей деревне три-четыре семейства дачников и уж без всяких стеснений. Ни на костюмы не обращают внимания, ни на что, – ответил муж. – И ведь на самом деле, здесь уж никаких нарядов не потребуется. И я был у него третьего года. Простота необычайная. Как сейчас помню: сидели мы на задворках под цветущей вишней и завтракали. Около нас куры, гуси, поросенок – так, знаешь, патриархально. Пьянства я тогда никакого особенного на деревне не заметил. – А вон баба-то, которая нам дом показывала, что сказала: и все, говорит, мужики у нас спились. – Да ведь уж это везде. Но главное, чем я дорожу, так это то, что уж сюда не забредут ни назойливые торговцы-разносчики, и что нет здесь ни музыки, ни любительских спектаклей. – А грязь-то какая! – Да ведь это только весной. Летом все высохнет.

Дама и мужчина шли по деревне. Когда они прошли два-три двора, за углом их встретила вторая баба из тех баб, которых они встретили при приезде идущими с речки с ведрами. Она их, очевидно, поджидала.

– Не понравилась дачка-то у Семенихи? – сказала она. – Я так и знала! Помилуйте, какая это дача! Да уж и семья-то! Самая что ни на есть пьяная семья. Пьют, пьют, целые дни пьют без удержу! – Женщина-то не пьяная, – возразила дама. – Денек такой выдался. А то тоже... оба с мужем хлещут. Он и она... Оба перепьются, да и давай драться. – У вас, что ли, дача сдается? – У нас-то не сдается. У нас есть дом под сдачу, а только у нас охотники арендатели, на круглый год дом снимают, а я вот сведу вашу милость к куме моей, так вот там домик посмотрите. Люди основательные, исправные. А главное, что на конце деревни, от кабака подальше. Хорошие господа, я знаю, это ценят. – Ну, сведи нас. – Домик у них на отличку. Домик первый сорт. Пожалуйте...

Пришлось пройти все село. Село было дворов в тридцать. По середине села стоял двухэтажный дом, крытый железом. В нем помещался трактир (он же и кабак) с распивочной продажей водки и на вынос и была мелочная лавочка, на дверях которой висело полотнище кумачу, что показывало, что в лавочке можно получить и ситец. У трактира стояли два-три воза с сеном, а около возов переругивались мужики, изыскивая самые отборные крупные слова. В отворенные окна трактира вылетали звуки гармонии и пьяная песня. Увидав в окнах головы сидящих за столиками мужиков, мужчина сказал бабе:

– Разве праздник сегодня какой, что столько мужиков в трактире сидят и пьют? – У нас, барин, что в будни, что в праздники все равно мужики пьют. – Да ведь теперь весеннее время, надо работать. Каждый день дорог. Разве не занимаются у вас хлебопашеством? – Занимаются, как не заниматься. У нас и розь, и овес, и картошку сеют, да что ж вы с мужиками-то поделаете? Очень уж их охотники набаловали. Тут у нас во всей округе места под охоту сняты. Ну, наезжают господа, останавливаются, нанимают мужиков в проводники, поят. Да и охотники-то, будем так говорить, наезжают больше всего для того, чтобы пить. Исправные-то крестьяне, конечно, держатся и содержат себя в аккурате, а разная гольтепа, так ведь она больше от собак питается. Кто две барские собаки кормит, кто три, на вино и на закуску и есть, так до

хлебопашества ли ему. Баба картошку насадила – ну и ладно, баба овсеца клинушек посеяла – слава тебе Господи... – рассказывала баба, ведя за собой съемщиков. – Вот тоже изба сдаётся на лето, – указывала она на двор, – Да уж хозяева-то очень пьянственные. Отец с двумя сыновьями тут, неделенные. Взяли по осени они невестку в дом, та оказалась не в порядке и приданым не угодила – ну, и бьют ее. Напьются отец и сыновья, и страсти божия как бьют! А домик у них ничего... Невестка да свекровь в чистоте содержат. – Нет, что же в такой семье нанимать. Веди куда вела. – То-то, я думаю, что там вам будет лучше. Там мужик богатый, серьезный. – Ну, а как здесь у вас в деревне насчет провизии? – спросила дама бабу. – А в лавке. В лавке все есть: хлеб, крупа, мука, селедки... – А мясо? – И мясо иногда бывает, коли яловую коровенку лавочник дешево купит да убьет. – Мясо я буду тебе из Петербурга привозить. Ведь мне все уж два раза или раз в неделю придется в Петербург ездить, – сказал даме муж. – Да и зачем непременно мясо летом? Есть оно – хорошо, нет – не надо. Творог, яйца, масло, сметана, а это все есть на деревне, у крестьян. – Есть, есть. Не у всех, но есть, – поддакнула баба. – Закажите мне, так и я буду вам делать и масло, и творог, и сметану. Вы господа хорошие и не сквалыжники, это я сейчас вижу. – Да неужели здесь не у всех крестьян есть коровы? – Нет, не у всех. Гольтепа-то говорит, что не стоит валандаться. Сено у кого какое есть с покоса – скосит, свезет в город и пропьет. Здесь, ваша милость, неисправные только охотниками да собаками и занимаются. Река у нас рыбная. Рыбки в реке ребятишки наловят, на хлеб от собаки есть – ну, и жив с семьей. А насчет масла и творогу не беспокойтесь. Только заранее скажите – я сделаю. – Да разве для себя-то вы этих припасов не делаете? – К праздникам делаем, а так не стоит вязаться. Молоком продаем да сливками, а остатки сами с ребятишками схлебываем. А только ежели скупиться не будете, да закажете, то это я вам все в лучшем виде... – То есть, что же это значит: скупиться не будете? – спросила дама. – Да ведь вон господа приезжают на дачу и думают, что здесь все это можно так же, как в городе. «Я, говорит, в городе дешевле покупала». – Да неужели у вас дороже? – Да не дороже, барин, а стоит ли из-за пустяков возиться! Ведь уж от дачников-то только летом три месяца в году и попользоваться.

Дама опять подмигнула мужу и сказала:

– Вот ты стремишься от нахальных-то разносчиков освободиться.

Муж поморщился.

– Ну, а курицу, например, для супа можно здесь у вас достать на деревне? – Да отчего же нельзя? Все можно, ежели хорошую цену дадите. Вот домик-с... – указала баба. – Хозяева здесь люди основательные, можно даже сказать, что первые богатеи на селе. Пожалуйте в калитку.

VI

Крупных размеров мужик с большой окладистой рыжеватой, начинающей уже сесть бородой, чинил на дворе телегу, стуча топором. Мужик был одет в новую шерстяную фуфайку, надетую под жилет на ситцевую рубаху. Вся фигура его, начиная с лоснящегося лица и кончая несколько выпятившимся брюшком, говорила за зажиточность. Картуз на голове был хоть и старый, но приличный, сапоги тщательно вымазаны мазью. Двор был большой, на половину покрытый навесом, покоившимся на толстых восьмивершковых столбах. Под навесом виднелись две крупные лошади, жующие сено, стояли тарантас и, так называемая, купеческая тележка с кожаным сиденьем. Из хлева слышалось мычанье коровы.

– Здравствуй, Савва Мироныч! – крикнула ему баба. – Вот я тебе съемщиков привела. Не сдал еще дом-то?

Мужик обернулся не вдруг, не оставляя топора, приподнял картуз и, поклонившись съемщикам, сказал:

- Нет, еще не сдал. Больно дешево дают. Прикажете показать?
- Да, да... Покажите пожалуйста, – сказал съемщик.
- Верхний этаж мы сдаем, а сами живем в нижнем. Ход отдельный.
- Ничего. Покажите.
- Пожалуйста.

Мужик пронизывающим взглядом осмотрел съемщиков и повел к крыльцу, находящемуся на дворе. Пришлось идти по некрашенной скрипучей лестнице. Баба пошла было сзади, но мужик остановил ее.

– А тебе чего ж идти? Слажусь с господами, так потом свое получишь. Не надую, – проговорил он.

Баба остановилась. Съемщики вошли в маленькую прихожую, далее следовала кухня с простой необлицованной русской печью и вмазанной в шесток плитой. Кроме кухни и прихожей, были еще три комнаты с некрашенными полами, с потолками, оклеенными белой бумагой вместо штукатурки и стенами в дешевеньких, довольно еще чистых обоях. Двери были одностворчатые, с железными скобами и железными задвижками вместо замков, но массивные.

– Светло и приглядно, – отрекомендовал мужик помещение. – Летось у меня тут протопоп из Петербурга стоял, да нониче он померши. Большой рыболов был. Так, бывало, на реке и сидит. И к обеду-то его свои, бывало, еле выманят домой. Покушает и опять на реку... Вот у нас тут, как калина зацветет, так лещ в реку заходит – ну, в эту пору уж он все ночи на реке просиживал. И по сейчас под навесом его верши да мережи у меня хранятся. Думал и нынче летом жить у нас, да вот Бог не дал веку.

Съемщики ходили по комнатам и смотрели мебель. Мебели было очень немного: увесистый старинный диван потемнелого красного дерева с клеенчатым сиденьем и деревянной спинкой, таковые же стулья, комод, простой сосновый некрашенный шкаф, очевидно, местного изделия, зеркало с полинявшей местами амальгамой и два сосновые хорошо вымытые стола.

– Мебели-то маловато, а свою так трудно сюда везти. Хоть бы кровати... – сказал съемщик.

– Козлы есть, а на них доски, те же кровати. Въедете, так поставим. Так у нас и сам протопоп спал, так и матушка протопопица. Для дочки, дочка-то теперь, кажись, у них выдана, привозили железную кровать, а сыновья – студент и гимназист, так те на лавках стлались. Вон у нас в той комнате по стене, – говорил мужик.

– Во втором этаже – вот что мне не нравится, – сказала съемщица.

– Есть которые второй-то этаж больше обожают. Вид за то хороший. Эво, вон из того окна какой вид на поле. Версты на три вид. Поповские сыновья из этого окошка все в подзорную трубку небо рассматривали. Трубка у них такая была. Что-то находили там на небе-то, какую-то невидимость. Вы чего сумлеваетесь? Ведь у нас и садик есть на огороде, и там беседка из драни. Садик уж этот вам. Там я третьего года березок, черемухи и рябинок насадил. Хмель есть около изгороди. Завьет изгородь, так чудесно. Вот пожалуйста к этому окошку. Вот садик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.